

УДК 94(574)+94(47).083

ББК 63.3(5Каз)+63.3(2)53

**К вопросу о практике управления казахской степью
во второй половине XIX — начале XX в.
Этноконфессиональный аспект ***

М.В. Стурова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**To the Issue of Management Practices
of the Kazakh Steppe in the Second Half
of XIX — Early XX Centuries:
Ethnoconfessional Aspect**

M.V. Sturova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье представлены механизмы складывания в Министерстве внутренних дел определенной практики управления этнорегионами казахской степи как процесса, подчиненного задаче сохранения структурных связей империи в исторических условиях присоединения, интеграции и расширения центрально-азиатской территории в южном и юго-восточном направлениях. В территориально-административных пределах Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей раскрываются основания диагностики МВД, в которых этноконфессиональная доминанта имела решающее значение в определении угрозы дезинтеграции «национальных окраин». Внимание сосредоточено на позиции МВД, придерживавшегося «баланса сил» в уравнивании обстоятельств интернального и экстернального характера. Двухнаправленная диагностика представлена через анализ внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов и противостояния «модераторам» колонизационных мероприятий. Акцент сделан на противоборстве логик государствообразования («активной интеграции») и «охранительной политики». Основанием для релевантных решений МВД выступала вероисповедная активность казахского населения и мера его «религиозной чувствительности», граничившей с «фанатизмом».

Ключевые слова: казахская степь, генерал-губернатор, Азиатская Россия, «активная интеграция», интернальный фактор, экстернальное воздействие.

The article presents the folding mechanisms in the Ministry of internal Affairs of certain practices to manage ethnoregions of the Kazakh Steppe as the process aimed to the task to preserve the structural relations of the Empire in the historical conditions of acquisition, integration and expansion of the Central Asian territory in southern and south-eastern directions. The territorial-administrative borders of the Ural, Turgay, Akmolinsk and Semipalatinsk regions reveal the bases of diagnostics of the Ministry of Internal Affairs, where the ethnoconfessional dominant played a crucial role in determining the threat of disintegration of the "the Borderlands". Attention is focused on the position of the Ministry of Internal Affairs which adhered to the "balance of power" in balancing the circumstances of internal and external nature. Bidirectional diagnosis is presented through the analysis of the foreign policy activity of general-governors and the opposition to "moderators" of colonization events. The emphasis is placed on the confrontation between the logics of state-building ("active integration") and "protective policy". The basis for the relevant decisions of the Ministry of Internal Affairs was the religious activity of the Kazakh population and a measure of its "religious sensitivity" that bordered on "fanaticism".

Keywords: Kazakh Steppe, the general-governor, Asian Russia, "active integration", internal factor, external impact.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-30

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-31-01008 «Русская православная церковь в центрально-азиатских национальных окраинах Российской империи (XIX — начало XX в.)».

Событийный ряд второй половины XIX в. ставил перед имперской администрацией задачи укрепления общеструктурных связей по линии «центр — окраины», более того, контекст инкорпорирования центрально-азиатских территорий определялся как модернизацией собственно российского пространства, так и соединенной с адаптационными мероприятиями трансформацией кочевого общества. Проектная деятельность министерств в направлении казахской степи складывалась первоначально как сумма практик нового управленческого опыта и продолжение курса на оптимизацию управления инородцами. Успешность практики империстроительства зависела от взвешенности оценок интегрируемых территорий.

Но прежде чем перейти к исследованию конкретно-исторических условий формирования определенной управленческой практики на примере МВД, следует подчеркнуть, что историографически все же эта проблематика не может считаться исчерпанной. История отношений имперского центра и регионов, как и проблема имперских сценариев укрепления структурных связей с полиэтничными «окраинами», является неиссякаемым источником научных открытий [см., например: 1; 2, с. 28–44; 3; 4]. В сопоставлении с результатами методологического конструирования вокруг темы империи/империализма, взаимоотношений центральной власти с национальными окраинами, представленными зарубежными коллегами [5–8; 9, с. 341–359], работы российских исследователей занимают достойное место, наполняют конкретно-историческим содержанием имперские проекты и практики, определяя новые свойства, качественное содержание и в целом вектор трансформации управляемых территорий [10; 11; 12, с. 35–40]. Иное звучание также получают работы по изучению механизмов «обратной адаптации»: приспособления имперских структур к этнорелигиозным особенностям интегрируемых территорий [13; 14, с. 1–23].

В центре внимания данного исследования будет находиться управленческая практика применительно к территории казахской степи в интерпретации чиновников структуры Министерства внутренних дел как часть общеимперского сценария управления национальными окраинами на протяжении второй половины XIX — начала XX в. (указанный термин подразумевает включенность таких административно-территориальных единиц, как Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области). Предстоит рассмотреть механизмы складывания в МВД определенной практики управления этнорегионами казахской степи как процесса, подчиненного задаче сохранения структурных связей империи в исторических условиях присоединения, интеграции, расширения центрально-азиатской территории в южном и юго-восточном направлениях. Внимание будет акцентиро-

вано на основаниях диагностики МВД, на роли этноконфессиональной доминанты в определении угрозы дезинтеграции областей и генерал-губернаторств.

Исходными основаниями для выстраивания МВД линии на сохранение единства полиэтничной структуры империи являлся опыт управления этнорегионами казахской степи, сложившийся к 1850-м гг., трансформировавшийся на протяжении второй половины столетия, а также данные, получаемые в результате диагностики внешнеполитических событий. Анализ действий МВД позволил охарактеризовать диагностику событий как обладающую двухуровневым характером: реакция на интернальный и экстернальный фактор воздействия.

Полное раскрытие логики мероприятий, отвечавших за контроль над обстоятельствами экстернального характера («охранительной позиции» МВД), предстает через анализ информации внешнеполитических событий. Внешнеполитические задачи, которые необходимо было решить в период с 1850-х гг., группировались в три основных направления: установление прозрачных отношений с Китаем (что предполагало ликвидацию пограничных проблем по мере обретения общей границы и установление выгодных торгово-экономических отношений); геополитическое закрепление центрально-азиатского региона, а значит, устранение (или сведение к минимуму) присутствия Великобритании; обеспечение безопасности по линии «мусульманского пояса» (центрально-азиатских государств). Так, сведения экстернального характера (необходимость улаживания пограничных споров с Китаем, ликвидация последствий восстаний в Синьцзяне, разрешение Илийского кризиса [15, с. 43–62]; противодействие британским интересам [15, с. 51, 64–65]; устранение подвижности центрально-азиатской границы [15, с. 62–83]) вместе с необходимостью обеспечивать стабильную внутреннюю обстановку вынуждали чиновников МВД (в лице военных и генерал-губернаторов на местах) не только участвовать в решении внешнеполитических задач, но и противостоять переселенческой, колониционной политике, аграрному законодательству, провоцировавшему коренное кочевое население на сопротивление центральной власти [15, с. 70–71; 16; 17, с. 346–375] (показателем нестабильности являлась повышенная «религиозная чувствительность» коренного населения, трактовавшаяся чиновниками МВД как «фанатизм» [18, л. 39–39об., 108–109, 200]).

Для уяснения логики реакций на воздействие интернального фактора необходимо обратиться к мероприятиям в рамках государственностроительства. Касательно интеграции территории с казахским населением стоит подчеркнуть опору имперского руководства на сформировавшийся ранее (с момента вхождения жузов в состав империи) длительный опыт взаимодействия (реформирования администра-

тивного устройства, судебной системы, регламентации религиозной деятельности коренного населения [13, 19]). Следовательно, интеграция через изменение системы управления (и в перспективе хозяйственного устройства, этнорелигиозной карты в целом) обеспечивали, по замыслу руководителей соответствующих министерств, закрепление в данном регионе. Стронники более активной аккультурации этнорегиона выступали за интенсификацию переселенческих потоков, что позволило бы решить проблему малоземелья в центральных губерниях империи и вместе с тем усилить элемент присутствия имперской власти на «азиатских окраинах».

Используя фундаментальную проработку А.В. Ремневым и Н.Г. Суворовой широкой проблематики имперских и национальных сценариев, разработанных в ходе колонизации Азиатской России, удалось установить, что в практике управления степными областями в правительстве сталкивалось (как минимум) две позиции. Чиновники, наполнявшие идеологическим содержанием явление стихийных миграционных потоков и трансформировавшие их в колонизацию, отвечавшую задачам обрусения национальных окраин и расширения границ «Русского мира» [11, с. 43–44], находились на полярно-противоположной стороне министерств, отвечавших за геополитическую безопасность южной и юго-восточной границы.

Не отрицая того, что «модераторы» переселенческого процесса принимали поправку на этноконфессиональную «погрешность» референтных территорий, все же стоит подчеркнуть принципиальное различие подходов. Указанное направление чиновников изначально занимало позицию по заселению Южной Сибири, а затем казахских степей и далее Туркестана, как целесообразное в рамках распространения цивилизаторского начала (вместе с рациональным способом хозяйствования, вместе с тем и культуры), что предполагало реализацию в первую очередь интересов переселенцев. Более глубокое зондирование принимающей стороны стало осуществляться позднее (интеграция интерпретировалась как активное освоение национальных окраин). Например, Г.К. Гинс, исследовав Семиречье в начале XX в., пришел к выводам о необходимости «справедливого» решения земельного вопроса для «смещенных» казахов. При этом просветительно-цивилизаторская, миссионерская парадигма осталась неизменной, но теперь она уравнивалась осознанием необходимости возмещения коренному населению утраты земель [20].

Идеологическая задача расширения границ «Русского мира» понималась как распространение единственно верного пути развития, подразумевавшего поступательное движение, обеспеченное прогрессивностью земледельческой культуры [20, с. 288].

Последняя считалась синонимом цивилизованного мира. Следовательно, на восточно-славянское население возлагалась задача вовлечения этнорегиона в общеимперский контекст модернизации, распространение на Азиатскую Россию общей логики прогрессивно-цивилизационного развития [20, с. 288]. А нерациональное использование земельных ресурсов, казалось, «автоматически» запускало механизм их «освоения» носителями «Русского мира».

Сведения о «неподвижной общей среде» [11, с. 45] (степных областях) в практике империостроительства претерпевали видоизменения по мере интенсивности заселения казахской степи и Туркестана и их военно-стратегического научного «освоения». Более того, именно признание необходимости адаптации мер по сохранению структурного единства империи к казахско-мусульманскому миру способствовало выделению в министерских кругах еще одной ведущей силы, регулировавшей политику в казахских степях. Указанный круг чиновников сосредоточивал внимание на первостепенной задаче недопущения обособления этнорегиона, тогда как моделировавшие переселение правительственные круги панацеей безопасности границы видели ее интенсивное заселение русским элементом. Позиция первых предусматривала целый комплекс мер по нейтрализации сепаратистских устремлений, возникавших на этнической (в связи с водворением «Русского мира»), религиозной почве, под воздействием фактора близкого расположения к центрам мусульманской культуры и необходимости охраны госграницы со стороны Цинского Китая. Так, в 1880-х гг. необходимость соотносить задачи государствообразования, модернизации имперской структуры с необходимостью защиты от дезинтеграционных тенденций внешнеполитической природы побуждали региональное руководство к тщательной диагностике событий интернального и экстернального характера. Показателем выработки строгой линии на нейтрализацию внешнеполитической угрозы являлась по-прежнему включенность военных и генерал-губернаторов в обозначенный круг проблем в данном регионе.

Содержанием интернальной диагностики являлось регулирование вероисповедной активности населения казахской степи. Регламентация строительства мечетей, казахских профессиональных школ, пресечение связи мусульман казахской степи (с 1868 г.) с Оренбургским магометанским духовным собранием (далее — ОМДС) отвечали задаче недопущения усиления «фанатизма». Законодательными рычагами регулирования служили Степное положение от 25 марта 1891 г. и Строительный устав (в редакции 1887 г.) [18, л. 47об.]. Функционирование мусульманского приходского духовенства казахской степи анализировалось и представлялось на межведомственных совещаниях министерств.

Таблица 1

Состояние Степных областей к 1 января 1912 г. (по Положению 25 марта 1891 г.) [21, л. 387]

	Акмолинская область	Семипалатинская область	Тургайская область	Уральская область	Итого
Мусульман	533327	690297	478417	505525	2207566
Духовных лиц	223	170	133	50	576
Мечетей	108	80	143	59	390
Мус. школ	34	66	79	7	186
В т.ч. старометодных	23	64	77	-	164
новометодных	11	2	2	7	22

Однако, несмотря на требования соблюдать установленные нормы, процессу регулирования все же была свойственна дискуссионность, отражавшая вдумчивость и основательность подхода чиновников МВД, проводивших тщательное рассле-

дование установленных проявлений «фанатизма». Активизировавшаяся в начале XX в. переписка губернаторов и членов Духовного собрания завершилась частичным перераспределением контроля над мечетями казахской степи.

Таблица 2

Параметры этнорелигиозной карты населения, исповедовавшего ислам (Семипалатинская область, 1901 г.) [18, л. 54]

Наименование городов и уездов области	Число татар	Число киргизов	Число мулл	Число мечетей	
	Обоего пола			состоящих в ведении ОМДС	не состоящих в ведении ОМДС
Город Семипалатинск	5015	4622	8	7	1
Семипалатинский уезд	1438	116 976	33	4	5
Павлодарский уезд	657	145 362	2	1	1
Зайсанский уезд	592	90 714	18	2	”
Каркаралинский уезд	142 174		3	”	1
Усть-Каменогорский уезд	1777	76 219	16	1	15
Всего	9479	433 893	80	15	13
	585 546				

Стоит отметить также, что диагностирование обстоятельств интернального характера не являлось сугубо «религиозно обусловленным»: специфика формы организации управления включала в диапазон диагностики генерал-губернаторами и социально-экономической обстановки, анализ функционирования судебной системы и других сфер взаимодействия, включенных в области гражданского и военного управления. Так,

в спектр решаемых проблем входила нейтрализация последствий недовольств коренного населения экономической обстановкой в связи с усилением переселенческих потоков восточно-славянского населения [22, с. 85; 19, с. 215–217, 219–225].

Таким образом, исследование конкретных управленческих решений структуры МВД показало связь регионального прагматизма, стратегических задач го-

сударствостроительства и охраны от внешнеполитической угрозы. Связь конкретной практики империостроительства в интерпретации МВД и общей позиции имперского центра обнаруживалась через тот контекст общего хода инкорпорирования, которому подчинялось МВД. Суть природы сценариев империостроительства была амбивалентна: модель управления складывалась как проектируемая схема и в то же время по факту реакции правительства на неконтролируемые явления. Механизм таков, что по мере приближения к рубе-

жу XIX–XX вв. сумма не- и регулируемых явлений при проведении оценок и необходимость адаптировать заданную схему к условиям референтной среды обнажили противоречие между сторонниками активного преобразования территорий казахской степи и представителями регионального уровня управления казахской степью. Генерал-губернаторы вынуждены были противостоять идее «активной интеграции» (колонизации), дабы не допустить усиления недовольства казахского населения и «взрыва» реакции религиозного характера.

Библиографический список

1. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. — Иркутск, 2011.
2. Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. — 2010. — № 6.
3. Изобретение империи: Языки и практики / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. — М., 2011.
4. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. — М., 2005.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М., 2001.
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. — М., 2002.
7. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М., 2007.
8. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М., 1999.
9. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. — М., 1972.
10. Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — начало XX века) : сб. мат. всерос. науч. конф. — Новосибирск, 2014.
11. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века : моногр. — Омск, 2013.
12. Дамешек Л.М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII — начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века : сб. мат. регион. науч. конф. — Новосибирск, 2007.
13. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : моногр. — Барнаул, 2014.
14. Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Наукоеведение. — Вып. 5 (24). — 2014. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf> — 03.09.2015.
15. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XXI в.: коллективная монография / отв. ред. А.В. Старцев. — Барнаул, 2014.
16. Тумайкина В.В. Основные направления военно-политической и административной деятельности Г.А. Колпаковского : дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2010.
17. Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX — начале XX в.: Документы и извлечения. — Барнаул, 2014.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 821. — Оп. 8. — Д. 624.
19. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Документы и извлечения / Составители: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. — Барнаул, 2014.
20. Гинс Г.К. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. — [Б.м.], 1913.
21. РГИА. — Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 566.
22. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Экономическая политика Российской империи в Степном крае и место казахов в системе межэтнического разделения труда // Востоковедные исследования на Алтае / сост. И.В. Анисимова; под ред. Д.А. Глазунова. — Вып. VIII. — Барнаул, 2014.